

А.Н. БАРАНОВ

Справедливость и равенство — лингвистика и экстралингвистика*

В статье рассматриваются ценностные категории “справедливость” и “равенство” и связанные с ними слова русского языка. Предлагаются семантические экспликации слов “справедливость” и “равенство”, а также соответствующих ценностных категорий. Показывается, что слова, обозначающие ценностные категории, имеют собственное лексическое значение, которое проявляется в сочетаемости в дискурсе. Модификации лексического значения слов данного типа, возникающие в политическом дискурсе, должны описываться в терминологическом словаре. Экстралингвистические особенности сочетаемости слов с ценностной семантикой могут фиксироваться в зоне сочетаемости лингвистических словарей. Сочетаемость слов, представляющих ценностные категории, разделяется на сочетаемость, определяемую семантикой данного слова, и на сочетаемость, определяемую экстралингвистическими факторами, — дискурсивными практиками политического дискурса.

Ключевые слова: справедливость, равенство, ценностная категория, политический дискурс, сочетаемость.

Ценностные категории и лексика политического дискурса

Ценности — объект аксиологии, философской дисциплины “о природе ценностей, их месте в реальности и структуре ценностного мира, то есть о связи различных ценностей между собой, с социальными и культурными факторами и структурой личности” [Философский... 1983, с. 763]. Несмотря на очевидный философский “окрас”, ценности и ценностные категории регулярно привлекают интерес исследователей самых разных гуманитарных наук — лингвистов, психологов, социологов, историков и пр. Они оказываются в центре внимания и современной публицистики. В недавней дискуссии на сайте журнала “Сноб” А. Янов характеризует политический дискурс современной российской элиты как лишенный ценностных категорий: «...они (путинцы. — А.Б.) уверены: что ценностного языка НЕ СУЩЕСТВУЕТ. И реальные политики говорят только об интересах, а если толкуют о каких-то “ценностях”, то либо для отвода глаз, либо потому, что лохи» [Янов 2016]. В. Иноземцев, комментируя статью А. Янова, отмечает, что ценности сугубо индивидуальны, в общественном дискурсе должны обсуждаться нормы, поскольку именно нормы — фиксированные законодательно или в рамках общественного договора — регулируют как поведение отдельного

* Работа выполнена в рамках проекта по исследованию феномена справедливости, проводившегося фондом ИНДЕМ под руководством Г. Сатарова.

Баранов Анатолий Николаевич — доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом экспериментальной лексикографии Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН; профессор Национального исследовательского университета — “Высшая школа экономики”. Адрес: 119019 Москва, ул. Волхонка, д. 18/2. E-mail: baranov_anatoly@hotmail.com.

человека, так и бытие социума в целом, а дискурс о ценностях не единожды использовался для оправдания этнических чисток, ограничения гражданских свобод и пр. [Иноземцев 2016].

Не вступая в спор с уважаемыми публицистами, отмечу, что внимание к ценностным категориям — характерная черта общественной дискуссии с перестроечных времен¹. С того же времени ценности регулярно попадают в социологические опросы (см., например, [Десять лет... 2003]).

Таким образом, ценностные категории широко используются в языке публичной политики и в политическом дискурсе. Политический дискурс принято понимать как совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников политического процесса, формирующих конкретную тематику политической коммуникации и поддерживающих ее. При этом дискурсивные практики рассматриваются как тенденции в использовании близких по функции, альтернативных языковых средств выражения определенного смысла, что отражается в частоте употребления соответствующих феноменов фонетического, морфологического, синтаксического и семантического уровня [Баранов 2003, с. 245, 246]. Очень близким аналогом в лингвистической поэтике можно считать понятие идиолекта писателя. Проще говоря, политический дискурс — это совокупность принятых в данном сообществе речевых способов обсуждения тем внутренней и внешней политики.

Политический дискурс как объект исследования лингвистическими средствами весьма специфичен и сложен. Во-первых, набор дискурсивных практик часто меняется при изменении темы обсуждения. Так, внешняя политика может обслуживаться другими дискурсивными практиками, чем темы внутренней политики. Во-вторых, нет очевидного и устойчивого текстового источника политического дискурса. Существующие корпуса текстов лишь частично отражают соответствующие дискурсивные практики. Тексты публицистики, газетные и журнальные корпуса не в полной мере повторяют дискурсивные практики политического языка. При использовании этих источников необходимы соответствующие поправки на результат. В-третьих, спикер политического текста не всегда совпадает с его автором: институт спичрайтеров и советников вносит существенные изменения как в принятые практики обсуждения политических тем, так и в сам набор тем — в “повестку дня”. Более того, адресат политического текста, как правило, не один. Некоторые внешнеполитические действия могут быть ориентированы на адресата внутри страны — внешняя политика часто оказывается продолжением внутренней. В этом случае частично применим инструментарий теории речевых актов, в рамках которой описывались речевые акты с несколькими адресатами (см., например, [Кларк, Карлсон 1986]). В-четвертых, жанровое разнообразие политического дискурса существенно осложняет достижение репрезентативности исходного корпуса текстов — текстовой модели политической коммуникации. Для некоторых жанров принципы репрезентативности вообще не разработаны: так, лозунговая политическая коммуникация относительно невелика по объему (если считать объем по количеству знаков), но весьма значима с точки зрения воздействия. Между тем оценка репрезентативности такого корпуса текстов существенно затруднена при использовании обычных методов достижения репрезентативности. В-пятых, не изучены и не описаны должным образом факторы влияния истории политического дискурса на его актуальное состояние. Последний феномен в явном виде обнаруживается в практике функционирования современного российского политического дискурса, во многом возвращающегося к советской эпохе, но на новом уровне — часто в гротескном виде. Так, выведение за рамки легального поля критики российского патриотизма (что реализовано *de facto* в государственных СМИ) аналогично запрету на критику советского строя как такового в период “деревянного языка” советского периода.

¹ Попутно замечу, что нормы не являются автономными категориями. Так, заповедь “не убий”, упоминаемая В. Иноземцевым, конечно же, имеет в качестве основы ценность человеческой жизни, а не выкристаллизовалась сама по себе из воздуха.

Можно легко указать и другие сложности лингвистического анализа политического дискурса — остановимся на “логичной” цифре пять. В данной работе обсуждается еще одна сложность исследования политического дискурса, связанная с проблемой соотношения языка и мышления, носящей куда более общий характер, чем те, которые были упомянуты выше. В истории лингвистических учений мышление и речь как отождествлялись (ср. известные концепции В. фон Гумбольдта о языке как выражении духа народа, Б. Уорфа и Э. Сепира о концептуальной сетке языка, определяющей восприятие и анализ ситуации), так и радикально разделялись (так, исследовательские эвристики структурализма фактически налагали запрет на обращение к содержательному аспекту речевых форм², американский дескриптивизм разрабатывал процедуры открытия грамматики по корпусу текстов с минимальным обращением к семантике, а по большей части и без обращения [Харрис 1960]). Разумеется, отождествление семантики и мышления неправомерно, однако отказ от учета семантической стороны речевых форм одновременно выводит за рамки рассмотрения и процессы мышления, лежащие в основе интеллектуальной деятельности человека.

С точки зрения когнитивного подхода, функционирование языка прямо связано с когнитивными структурами — феноменами непосредственно используемыми когнитивной системой в процессе мышления (см. подробнее представительные сборники переводов: [Когнитивные... 2012; Новое... 1988]). При этом некоторые важные категории политического дискурса оказываются, с одной стороны, феноменами когнитивного уровня (то есть связаны с мышлением и идеологией), а с другой — на уровне языка оказываются словами естественного языка с соответствующей лексической семантикой. Такова, в частности, идеологически связанная лексика — один из традиционных объектов исследования политической лингвистики. В этой категории лексем, с одной стороны, обычно обсуждаются пары слов и квазисинонимические ряды типа *революция — восстание — переворот — путч, демократия — свобода, демократ — либерал — государственный* и т.д., *коммунизм — социализм — капитализм, террорист — сепаратист — ополченец — борец за свободу* [Баранов, Паршин 1986]. С другой стороны, к идеологически связанной лексике относят и ценностно ориентированные лексемы, то есть слова, обозначающие ценности: *свобода, истина, правда, доброта, любовь, воля, надежда, равенство* и пр.

Обычно считается, что специфика идеологически связанной лексики заключается в том, что ее значение прямо зависит от идеологических установок. Соответственно, словарное толкование отражает эти установки. Так, слово *революция* в третьем томе “Толкового словаря русского языка” под редакцией Д. Ушакова (1939 г.) определяет как “Переворот в общественно-политических отношениях, совершаемый насильственным путем и приводящий к переходу государственной власти от господствующего класса к другому, общественно-передовому классу”. Теория классовой борьбы реализована в словарном определении в явном виде: “господствующий класс”, “общественно-передовой класс”³. В “Малом академическом словаре” под редакцией А. Евгеньевой, вышедшем во второй половине 1980-х гг., классовая теория из толкования уже исчезает, и революция трактуется как “Коренной переворот во всей социально-экономической структуре общества, приводящий к переходу от исторически отжившего общественного строя к более прогрессивному”. Вместо классовой теории используются более расплывчатые термины: “исторически отживший строй”

² “О чем невозможно говорить, о том следует молчать,” — писал Л. Витгенштейн в “Логико-философском трактате” (постулат 7), имея в виду то, что вне языка рациональное мышление не существует [Витгенштейн 1958], но в структуралистскую эпоху эта сентенция по большей части понималась как невозможность адекватного исследования семантики. В этом смысле “плеремы” Л. Ельмслева (и другие элементы содержания языкового знака в структуралистских концепциях) по сути служили только номинацией сферы того, “о чем невозможно говорить”.

³ Известно, что словарь под редакцией Д. Ушакова был первым нормативным словарем советской эпохи, в котором широко использовались как идеологически мотивированные определения, так и иллюстративные материалы из партийной литературы (см. подробнее [Живов 2005]).

и “прогрессивный строй”. Почти исчезает идеологическая составляющая только в интерпретациях данного слова в словарях существенно более позднего периода. Так, в “Толковом словаре русского языка” под редакцией Н. Шведовой (2011 г.) обнаруживаем, что революция — это “коренное насильственное изменение в жизни общества, которое приводит к ликвидации предшествующего общественного и политического строя и установлению новой власти”. “Предшествующий общественный и политический строй” никак не квалифицируется — ни как “прогрессивный”, ни как “отживший”. Оценка как старого, так и нового строя отсутствует. Это соответствует общей оценочной амбивалентности слова *революция* в современном российском политическом дискурсе — для официоза революция суший кошмар, для некоторой части несистемной оппозиции, близкой к радикальным левым организациям, — долгожданная цель.

Собственно лингвистический компонент семантики идеологически связанной лексики существенно обеднен. В этом смысле она напоминает терминологическую и специальную лексику, которая, согласно Л. Щербе, должна в толковом (лингвистическом) словаре определяться кратко и лапидарно [Щерба 1974]. Задача выявления лингвистической части семантики ценностных лексем весьма нетривиальна, поскольку провести границу между лингвистикой и экстралингвистическим знанием довольно трудно. Внимательный исследователь семантики естественного языка А. Вежбицкая указывает в связи с этим на опасность, которой подвергаются философы, исследующие ценностные концепты: “...важно, чтобы в сочинениях на такие темы, как свобода, все авторы были в состоянии отделить свою собственную точку зрения от точки зрения, воплощенной в лингвоспецифических лексических единицах, таких как *freedom* (английский язык), *libertas* (латинский язык) и *свобода* (русский язык), чтобы они не позволяли, чтобы их родной язык окрашивал их восприятие обсуждаемых философских проблем” [Вежбицкая 1999, с. 435].

Такой подход к изучению семантики ценностной (шире — идеологически связанной) лексики вполне правомерен, если мы пытаемся исследовать именно словарь языка (лексикон как ментальное образование), однако анализ функционирования ценностных лексем в речи (в дискурсе) сосредоточивается на том, как собственно лингвистическое значение взаимодействует с экстралингвистической составляющей — в данном случае со сферой идеологии. Первое направление является собственно **лингвистическим**, а второе — **дискурсивным**, устремленном к экстралингвистическим аспектам функционирования языка и речи. Для обычных слов естественного языка лингвистического исследования по большей части вполне достаточно, однако ценностная лексика, попадая в публичный дискурс, оказывается основой аргументации, предметом обсуждения, используется для обоснования идеологий, принятий решений и т.д. Иными словами, когнитивная связанность ценностной лексики исключительно велика. Такая лексика требует дискурсивного анализа, обращающего внимание на экстралингвистические факторы речевой коммуникации.

Ценности “справедливость” и “равенство”⁴ имеют длительную историю исследований в области философии (см., в частности, [Ролз 1995; Канарш 2011; Кашников 2004]), однако исследование семантики слов *справедливость* и *равенство* в рамках лингвистики существенно запаздывает. Впрочем, в ряде публикаций было показано, что для изучения семантики этих слов и структуры связанных с ними понятийных категорий необходимо привлечение дополнительной информации об их функционировании в дискурсе [Баранов 1990; Baranov 1998]. Между тем категории справедливости и равенства широко используются в политической аргументации. Они лежат в основе значительного количества норм в законодательстве; формируют систему наивной логики носителя языка. Значимость этих ценностных категорий проявляется и в том, что они регулярно присутствуют в социологических опросах, данные

⁴Здесь и далее когнитивные категории, концепты, понятия маркируются “елочками” или не выделяются никак, если это понятно из контекста. Слова естественного языка и примеры даются курсивом.

которых нуждаются в сопоставлении с лингвистическими данными — как, впрочем, и наоборот.

В отличие от общей установки исследований в области политической лингвистики, согласно которой идеологическая модификация семантики идеологически связанной лексики происходит на уровне лексического значения, что отражается в словарных толкованиях соответствующих слов, я считаю, что идеологически связанная лексика (в частности, ценностные категории) обладает собственным лексическим значением, которое, однако, мутирует в условиях функционирования в СМИ и в текстах публичной политики. Следы этих мутаций проявляются в их сочетаемости в дискурсе — часто противоречивой, но эти изменения по большей части не должны фиксироваться в толкованиях лингвистических словарей, хотя их и можно отражать в зонах сочетаемости.

Таким образом, целью настоящего исследования является семантический анализ слов *справедливость* и *равенство*, исследование стоящих за ними ценностных категорий и выявление тех факторов политического дискурса, которые оказываются источником “мутирования” семантики анализируемых слов в направлении той или иной идеологической концепции.

Семантика справедливости и равенства

Прежде чем перейти к практикам использования категорий справедливости и равенства в дискурсе, необходимо рассмотреть семантику слов *справедливость* и *равенство* — собственно лингвистическую часть значения. За ней скрывается когнитивная составляющая, связанная как с идеологией, так и с разнообразными философскими и этическими теориями справедливости и равенства.

Равенство семантически тесно связано с категорией справедливости, которая, в свою очередь, используется как общественно одобряемый критерий при распределении ресурса — материального или нематериального [Baranov 1998; Баранов 1990]. “Ресурсная” семантика справедливости хорошо видна в контекстах типа *принцип социальной справедливости в отношении необеспеченных слоев общества нарушается; по справедливости мандаты должны быть поделены поровну; бессмысленно искать справедливость в распределении кредитов; российское общество должно разработать критерии социальной справедливости и на этой основе создать систему компенсации неравенства за счет социальных институтов*. Иными словами, “справедливость” как когнитивная категория связывается в языковом сознании русских с распределением ресурса⁵. Действительно, то, что россияне склонны оценивать как справедливое или несправедливое, касается перемещения от одного человека к другому (или сохранения) некоторого ресурса — денег, прав, путевок, лечения и т.п. Отметим, что в социологическом исследовании “Справедливость в представлениях и практике граждан и власти в России”, проводившемся фондом Информатика для демократии (ИНДЕМ) в 2014–2015 гг., около 50% респондентов связали справедливость/несправедливость со сферой распределения социальных благ, предоставляемых государством. При этом около 60% указали пенсии и льготы как первоочередные социальные сферы обеспечения ситуации справедливости.

Из этого рассуждения легко выделить основные строительные блоки семантического мира “справедливость”⁶:

⁵ Под языковым сознанием понимается та часть естественной логики человека, которая определяется его родным языком: системой используемых метафор, особенностями лексической и грамматической категоризации мира, паремиологией и др. языковыми феноменами, непосредственно связанными с когнитивными процессами. Особенности устройства как языкового сознания, так и языкового бессознательного (в данном случае это одно и то же, поскольку языковое сознание в нормальном случае не рефлексивируется носителями языка) можно определить только по языковым данным (см. обсуждение опыта такого рода в связи с категорией коррупции в [Баранов 2004]).

⁶ На метаязыке когнитивной лингвистики или лексической семантики это можно было бы назвать слотами фрейма “справедливости” или семантическими ролями участников ситуации справедливого распределения.

- **субъект распределения** (тот, кто осуществляет распределение ресурса);
- **адресат распределения** (тот, кто получает ресурс);
- **ресурс распределения** (материальные и духовные блага, власть и т.д.);
- **принцип распределения** (то, как происходит распределение ресурса).

Набор этих строительных блоков постоянен в том смысле, что их можно обнаружить в любых контекстах использования слова *справедливость* как обозначения ценностной категории. Именно он характеризует постоянные области значения ценности “справедливость”. Однако в каждом конкретном случае каждому блоку сопоставляется новое содержание – переменные области семантического мира “справедливости”.

Стоит в качестве параметра распределения выбрать уравнивание, и справедливость трансформируется в очень устойчивую когнитивную структуру – равенство (“уравнительную справедливость” по Аристотелю). Устойчивость равенства обеспечивается, с одной стороны, очевидностью и убедительностью параметра, а с другой – относительной легкостью контроля над распределением (по сравнению с более сложными параметрами – например, с распределением по труду, значимости, важности и т.п.). Бесспорность параметра несколько ограничивает произвол субъекта, осуществляющего распределение, что, естественно, приветствуется адресатами распределения.

Категория равенства весьма “акциональна”. Две модальности равенства – “пусть у меня будет то же, что и у тебя”, “пусть у тебя будет то же, что и у меня” – отражают исходные позиции человека (как субъекта, так и адресата распределения) по отношению к ресурсу. При недостатке ресурса говорящий в первом случае выражает желание разделить материальные блага, а во втором – их отсутствие. В российской публицистике неоднократно отмечалось, что в общественном сознании российского общества превалирует вторая модальность равенства: “пусть всем будет так же плохо, как и мне”⁷.

Собственно лингвистический аспект семантики слова *справедливость*, разумеется, связан с когнитивной структурой, приведенной выше, однако не совпадает с ней в полной мере: *Справедливость* = “то хорошее, к чему должен стремиться человек, получающий часть некоторого блага, общего для членов данного общества, и объясняющий, почему хорошо, что он получает эту часть”.

В приведенной семантической экспликации субъект распределения скрыт в компоненте “получающий часть некоторого блага”. Адресату распределения соответствует компонент “человек”. Ресурс представлен как “общее благо”. Параметр распределения передается обоснованием “почему хорошо”. Наконец, представление о справедливости как о ценности эксплицируется в толковании компонентом: “то хорошее, к чему должен стремиться человек”.

Интересно, что в словарных толкованиях лингвистический и экстралингвистический (когнитивный) аспект значения ценностей справедливость и равенство почти никогда не разграничивается. Так, в четырехтомном “Словаре русского языка” под редакцией А. Евгеньевой (1985–1988) читаем: «*Справедливость* = “свойства, характеристики ситуации, соответствующие представлениям об истине и законе – точнее, правде... Соответствие человеческих отношений, законов, порядков и т.п. морально-этическим, правовым и т.п. нормам, требованиям”». Понятно, что истина, закон, право; моральные, правовые и этические нормы – все это выходит далеко за рамки наивных знаний обычного носителя языка.

⁷ Устойчивость этой модальности во многом связана с идеологией и практикой социализма. Приведу характерное мнение одного из авторов сборника “Вехи” С. Франка: “Социализм и есть мировоззрение, в котором идея производства вытеснена идеей распределения... Теория хозяйственной организации есть лишь техника социализма; душа социализма есть идеал распределения... Моральный пафос социализма сосредоточен на идее распределительной справедливости и исчерпывается ею; и эта мораль тоже имеет свои корни в механико-рационалистической теории счастья, в убеждении, что счастья не нужно вообще созидать, а можно просто взять или отобрать их у тех, кто незаконно овладел ими в свою пользу” [Франк 2005, с. 284, 285]).

Аналогично в толкованиях слова *равенство* в значении ценностной категории в словарях регулярно появляются отсылки к правовым и политическим феноменам. Например, в том же словаре дается такое определение:

“*Равенство* = Равное положение людей в обществе, выражающееся в одинаковом отношении к средствам производства и в пользовании одинаковыми политическими и гражданскими правами”. Компоненты толкования “средства производства”, “политические и гражданские права” с несомненностью следует квалифицировать как экстралингвистическую информацию.

Будучи семантической модификацией ценности справедливость, равенство в собственно лингвистической части семантики может быть истолковано следующим образом: “*Равенство* = то хорошее, к чему должен стремиться человек, получающий **такую же часть общего блага как и другие**, и объясняющий, почему хорошо, что он получает эту часть”. Таким образом, с семантической точки зрения равенство представляет собой модификацию справедливости, определяемую выбором параметра распределения ресурса — равные доли в распределении ресурса преобразуют справедливость в равенство.

Разумеется, семантическая трансформация указанного типа не приводит к возникновению семантических отношений “часть — целое” или “род — вид”. Справедливость далеко не всегда воплощается в равенстве. Так, в известном примере из Аристотеля воздаяние не симметрично — равенства в санкции нет: “Если кто вырвал кому глаз, то справедливое не в том, чтобы в ответ и ему только глаз вырвали, но в том, чтобы он потерпел еще больше, с соблюдением пропорциональности: ведь и начал он первый, и поступил несправедливо; он несправедлив вдвойне, и справедливо, чтобы пропорционально несправедливостям и он претерпел в ответ больше того, что сделал” [Аристотель 1983, с. 1194а, 38—1194б, 3].

Соответственно, не все ситуации, которые можно назвать справедливыми, регулируются принципом равенства. Верно и обратное: равенство не всегда признается справедливым. Тот же Аристотель отмечает: “Между тем во взаимоотношениях [на основе] обмена связующим является именно такое право — расплата, основанная, однако, не на уравнивании, а на установлении пропорции” [Аристотель 1983, с. 1132б, 32]. Этот вывод согласуется и с социологическими данными. Так, в исследовании, проведенном ИНДЕМом, на вопрос “Неравенство может быть справедливым, если люди разных способностей, которые трудятся с разным усердием, получают по результатам своего труда” ответили “согласен” или “скорее согласен” более 80% респондентов.

Таким образом, трансформация семантики справедливости за счет параметра распределения — сведение его к уравниванию — представляет собой исключительно мыслительную операцию, а не реальную историческую последовательность семантической деривации или формирования понятий. Более того, известно, что слово *справедливость* появилось в русском языке сравнительно недавно (в XVIII в.) как заимствование из польского, а слово *равенство* — по крайней мере прилагательное *равный* — фиксируется как книжное слово с XI в. [Черных 1999].

Понятно, что слова *справедливость* и *равенство* имеют не только ценностные употребления (то есть используются не только как обозначения ценностных категорий), но и реализуют другие значения. Так, слово *справедливость* используется в значении “истинность” (*справедливость его суждений очевидна*), а также в значении, близком к понятию “объективность” (*надо отдать ему справедливость*, то есть “надо быть объективным по отношению к нему”). В то же время слово *равенство* используется в значениях “полное сходство, тождество” (*равенство величин, равенство сил*) и “математический знак, указывающий на то, что одна величина равна другой” (*ставить знак равенства*). Можно показать, что различные значения слов *справедливость* и *равенство* так или иначе связаны с их употреблениями в значении ценностных категорий. Иными словами, структура значений слов *справедливость* и *равенство* для каждой из лексем не произвольна, а взаимозависима.

Теоретические и идеологические расширения рассматриваемых слов настолько многообразны, что часто почти никак не соотносятся с их наивной семантикой. Так, в рамках “социально-психологического” подхода к справедливости оценка “справедливый/несправедливый” относится как к взаимодействию между людьми, так и к результату такого взаимодействия: “Предметом социально-психологических исследований является общая оценка справедливости взаимодействия, которая складывается из соблюдения ряда социальных норм, функционирующих в рамках социальной группы и затрагивающих как процесс общения (информационная, процедурная, межличностная справедливость), так и его результат (дистрибутивная справедливость)” [Гулевич 2011, с. 10]. Оценка результата взаимодействия как справедливого или несправедливого вписывается в наивную семантику слова *справедливость*, однако само взаимодействие в обычном случае квалифицировать как справедливое или несправедливое возможно далеко не всегда.

Из философских концепций справедливости весьма странной с наивной точки зрения является “процедурная” справедливость: “Под процедурной справедливостью понимается совокупность правил, которые призваны обеспечить справедливость результата того или иного действия независимо от всех прочих обстоятельств. Процедурная справедливость может быть чистой, совершенной и несовершенной. Чистой процедурной справедливостью является всякая игра, например, игра в карты или футбол” [Кашиников 2004, с. 36]. Наверное, все-таки имеется в виду не столько справедливая процедура сама по себе, сколько соблюдение всеми принятой процедуры, приводящей в этом случае к справедливому результату.

Указанные изменения в понимании слов *справедливости* и *равенства* не должны фиксироваться в экспликациях обычных толковых словарей. Хотя они могут отражаться в терминологических справочных изданиях.

Некоторые случаи расширения исходной семантики обсуждаемых слов все-таки могут претендовать на переносные значения. Так, в общественно-политическом дискурсе представлены примеры использования лексем *справедливость* и *справедливо* по отношению к санкциям за преступления: “Судья же Ди разбирается во всех загадках и всем участникам событий *воздаст по справедливости*: кого-то казнит, кому-то возвращает злодейски отнятое имущество, кого-то соединяет узами брака, кого-то пристраивает к сообразной способностям профессии” (Октябрь). В примерах рассматриваемого типа ресурсом (“благодаря”) оказывается воздаяние за содеянное — награда или кара. Хотя кара далеко не всегда оценивается положительно тем, кому она предназначена, в рамках общества в целом она рассматривается как общее благо — как результат действия закона. Такие типы контекстов было бы правомерно выделять как переносные значения или как оттенки значения (в зависимости от концепции соответствующего толкового словаря).

Контекстное поведение слов *равенство* и *справедливость*: согласованность и противоречивость

Для получения исходных данных использовался корпус Современной русской публицистики, объемом 29 млн словоупотреблений⁸. Основной массив данного корпуса — федеральные СМИ, охватывающие основные части политического спектра современной российской политики (подробнее о составе корпуса см. [Словарь-тезаурус... 2007]). Всего было выявлено 1550 контекстов употребления слова *справедливость* и 521 контекст употребления слова *равенство*.

Рассмотренные семантические структуры слов *равенство* и *справедливость* указывают на то, что они близки по семантике, и данные слова должны достаточно часто реализовываться в дискурсе совместно. И действительно, в исследованном массиве примеров, основанном на представительной выборке контекстов употребления слова

⁸ Корпус разработан в отделе экспериментальной лексикографии Института русского языка РАН.

равенство в современных российских СМИ, *равенство* довольно часто встречается вместе с лексемой *справедливость*: “Президент-труженик, ни на день не позволяющий себе отойти от государственных дел... Ревнитель *справедливости и всеобщего равенства*, он готов даже впервые за все годы своего правления идти на конфликт с иерархами Русской Православной Церкви, чтобы не ущемлять права и свободы отдельных соотечественников, которых поддерживает в этой жизни другая вера” (Известия); “Потому что если речь пойдет о социальном *равенстве и справедливом распределении доходов*, то тут не то что двадцать тысяч, тут миллионы поднялись бы” (Известия); “Еще в отрочестве приобщился к политической жизни — идеи *справедливости, равенства* волновали его не меньше, чем учеба в школе” (Московские новости).

Идея распределения ресурса, лежащая в основе значений слов *равенство* и *справедливость*, способствует их совместной встречаемости в политических текстах (по крайней мере, в огрубленной модели политического дискурса, который представляют тексты СМИ). Всего в исследованном корпусе было выявлено 36 контекстов указанного типа. Более того, во многих контекстах *справедливость* понимается как уравнивающая справедливость, что отождествляет ее с равенством полностью или частично: “Утром 12 июня я прослушал в ЦДХ выступление известного московского философа, который говорил, что наша власть и наш народ больны сталинизмом, а сталинизм — это *стремление к справедливости, которая понимается как равенство*” (Известия); “...именно такая феминистская политика господствует в европейском мире, где принято *справедливость понимать юридически как равенство прав*” (Независимая газета); «*Справедливость — это еще и всеобщее равенство* (“когда все равны”), и “наказание за какое-либо зло или вознаграждение за какое-либо добро» (Общая газета); “*Равенство достатка лежит и в основе их представлений о справедливости* — подобное понимание ее свойственно каждому второму социалисту; среди демократов оно встречается в 10 раз реже” (Независимая газета); “Любопытно то, что *социальная справедливость воспринимается сейчас как равенство*, — говорит директор по коммуникациям ВЦИОМ, доктор психологических наук Ольга Каменчук” (РБК Daily). В последнем примере, носящем метатекстовый характер, в явном виде говорится об отождествлении социальной справедливости и равенства в современном общественном сознании.

Лексема *равенство* хорошо сочетается и со словом *братство*. Всего было обнаружено 19 примеров такой сочетаемости: “А мы, достойные дети революции, размышляем о *равенстве и братстве* и о том, как бы поменьше работать и получше жить” (Московский комсомолец); «Что же до реализации мечты о народном освобождении или “несчастье”, по выражению чеховского Фирса, то в процессе своего осуществления она претерпела за XX век такое радикальное изменение, что результаты ее использования на практике во имя “*равенства и братства*” и “вольного созидательного труда” продолжают изумлять и по сей день весь просвещенный и даже цивилизованный мир». (Независимая газета); “Никто не гарантирует, что, начав с благой идеи, — например, *равенства и братства*, — исполнительная власть не скатится к полному попранию всех прав” (Российские вести).

Такая сочетаемость, как и сочетаемость со словом *справедливость*, хорошо поддерживается семантикой лексемы *равенство*. Действительно, *братство*, согласно словарю под редакцией А. Евгеньевой, — это “содружество, единение”, а также “люди, которых объединяет общая цель, общая деятельность, труд и т.д.”. Понятно, что равенство в чем-либо может быть основой для содружества, объединения людей, хотя это и не обязательное условие. Существенно, что противоречия в семантике рассматриваемых категорий нет.

В то же время обнаруживается значительное количество примеров на сочетаемость слова *справедливость* и обозначения ценности свободы вместе с лексемой *братство*: «Если ввозят что-то стоящее, то само правительство начинает предпринимателей обворовывать, чтобы содержать банду оголтелых “демократов”, парламентариев. Сейчас слово “демократия” люди произносят с ненавистью, а сама она ни в чем не виновата, потому что это *свобода, равенство, братство*» (Московский комсомолец);

“В 20–30-е интеллигентам на Западе хотелось верить, что СССР — это *свобода, равенство и братство*, что СССР — это воплощенная мечта, и они не хотели и слышать о лагерях и репрессиях. Тем страшнее было разочарование” (Новая газета); «Деятели культуры, журналисты, общественные активисты и обычные москвичи протестуют против выступления националистов под лозунгами “Россия без нацизма”, “*Свобода, равенство, братство*”» (РБК Daily).

В отличие от справедливости и братства, категория свободы семантически и прагматически противопоставлена равенству — она его антипод, поскольку не связана в прототипическом варианте с идеей распределения ресурса. Внутренняя (прототипическая) свобода определяется соответствием желаний субъекта его возможностям. Соответственно, в ней отсутствует представление о субъекте, распределяющем некоторый ресурс, — о Суперэго, извне контролирующем адресата распределения (см. [Baranov 1998; Баранов 1990; Баранов, Казакевич 1991]). Между тем в полученном корпусе примеров обнаруживается 37 случаев сочетаемости указанного типа. Причина этого носит экстралингвистический, культурный характер. По большей части это скрытые или явные цитации лозунга Великой французской революции (*Liberté, Egalité, Fraternité*): «Изображение девушки во фригийском колпаке, олицетворяющей знаменитый девиз “*Свобода, равенство, братство*”, стало национальным символом Франции с 1792 года» (Комсомольская правда); «Примерно так же, риску сказать, как в 1789 году — “*свобода, равенство, братство*”, — упор был сделан на свободу, и получилась» (РИА Новости); «Сюжет, более или менее навязший в зубах, — о том, как “философы” — энциклопедисты в XVIII веке боролись за все прогрессивное и светлое, готовили буржуазную революцию, помогали утвердиться “*свободе, равенству и братству*”» (Итоги).

Рассматриваемая сочетаемость слова *равенство* со *свободой* и *братством* оказалась настолько освоенной в дискурсе, что представлена и в игровых употреблениях, часто не совсем приличных: “Скучные клерки, приходя вечерами из офиса, переодеваются в спецкостюмы для игры в садо-мазохизм, заблаговременно — кредитными карточками — оплаченные в секс-шопах, а назавтра во время ланча спокойно обсуждают свои секс-экзерсисы с беловоротничковыми сослуживцами. *Свобода, равенство, бл...тво*. Того гляди, маньячность признают нормальной — разве что самой левой — формой перверсии, а маньяка допустят в уважаемый ряд почитаемых сексменьшинств” (Итоги).

Сочетаемость со словом *свобода* противоречит семантике слова *равенство*. Впрочем, сочинительная бессоюзная конструкция не требует полного согласования по смыслу — это, скорее, нарушение законов “слабой” семантики, проявляющейся не в прямых запретах, а в общих тенденциях⁹. В данном случае это нарушение связано с экстралингвистическими факторами — с цитацией.

Отмечу, что сочетаемость слова *равенство* со словом *братство*, отмеченная выше (19 примеров), также может рассматриваться как частичная цитация лозунга Великой французской революции. В этом случае экстралингвистически обусловленная сочетаемость для слова *равенство* оказывается подавляющей по частоте — 56 контекстов.

В незначительном количестве случаев (6 контекстов) *равенство* сочетается только со словом *свобода* — иногда с аллюзией на лозунг Великой французской революции, иногда нет: “Это идеи самоценности человеческой жизни, личного достоинства, *свободы, равенства* всех граждан перед законом. В обществе сложился единый политический язык, понятный и доступный всем или почти всем. Поэтому представители всех без исключения политических сил вынуждены его использовать” (Независимая газета); “Идеи христианской морали, просвещения, *свободы, равенства*, человеческого достоинства, борьбы с религиозной нетерпимостью — вот что стояло в основе русского масонства” (Московский комсомолец). В любом случае количество таких контекстов невелико и не влияет на семантику слова *равенство*.

⁹ О слабой семантике не в духе У. Куайна см. подробнее [Баранов 2012].

В корпусе примеров были обнаружены и некоторые другие случаи сочетаемости слов *равенство* и *справедливость* с названиями ценностных категорий, которые, однако, слабочастотны и не представляют существенного интереса для данного исследования.

Проведенный анализ сочетаемости слов *справедливость* и *равенство* показывает, что она разделяется на **семантическую сочетаемость, определяемую лексическим значением данного слова** (ср. понятие семантической сочетаемости по Ю. Апресяну), и на **дискурсивную сочетаемость, определяемую экстралингвистическими факторами** — дискурсивными практиками политического дискурса (ср. понятие лексической сочетаемости по Ю. Апресяну, не охватывающей данный случай). Первый тип сочетаемости представлен прежде всего последовательностями *равенство, справедливость — справедливость, равенство*, а второй полными или частичными цитациями лозунга Великой французской революции *свобода, равенство, братство*.

* * *

Дискурс СМИ (даже достаточно репрезентативный) — лишь не вполне точная модель политической коммуникации. Тем не менее понятно, что и в сфере политического языка справедливость и равенство образуют важную когнитивную структуру, связанную с обсуждением принципов распределения ресурса, причем дискурсивные практики обращения к данным ценностным категориям и соответствующим словам часто носят внешний характер по отношению их семантическому наполнению, испытывая влияние политических и идеологических концепций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аристотель (1983) Большая этика // Аристотель. Соч. В 4 т. Т. 4. М.: Мысль. С. 295–374.
- Баранов А.Н. (2003) Введение в прикладную лингвистику. М.: Эдиториал URSS.
- Баранов А.Н. (2004) Метафорические грани феномена коррупции // Общественные науки и современность. № 2. С. 70–79.
- Баранов А.Н. (1990) Политическая аргументация и ценностные структуры общественного сознания // Язык и социальное познание. М.: Центральный совет методологических семинаров при Президиуме АН СССР. С. 166–177.
- Баранов А.Н. (2012) Сочетаемость слов и “слабая семантика” // Вопросы культуры речи. Вып. XI. М.: Языки славянской культуры. С. 167–177.
- Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. (1991) Парламентские дебаты: традиции и новации (русский политический язык). М.: Знание.
- Баранов А.Н., Паршин П.Б. (1986) Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой коммуникации. М.: ИНИОН. С. 100–143.
- Вежбицкая А. (1999) Словарный состав как ключ к этнофилософии, истории и политике: “Свобода” в латинском, английском, русском и польском языках // Вежбицкая А. Семантические универсали и описание языков. М.: Языки русской культуры. С. 434–499.
- Витгенштейн Л. (1958) Логико-философский трактат. М.: Наука.
- Гулевич О.А. (2011) Социальная психология справедливости. М.: Институт психологии РАН. Десять лет социологических наблюдений (2003) М.: ФОМ.
- Живов В.М. (2005) Язык и революция. Размышления над старой книгой А. М. Селищева // Отечественные записки. № 2. С. 175–280.
- Иноземцев В.Л. (2016) Лишние ценности (<https://snob.ru/selected/entry/110315>).
- Канарш Г. Ю. (2011) Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета.
- Кашников Б.Н. (2004) Либеральные теории справедливости и политическая практика России. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого.
- Кларк Г.Г., Карлсон Т.Б. (1986) Слушающие и речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. Вып. XVII. М.: Прогресс. С. 270–321.
- Когнитивные исследования (2012) Вып. 5. М.: Институт психологии РАН.
- Новое в зарубежной лингвистике (1988) Вып. XXII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс.

Ролз Дж. (1995) Теория справедливости. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета.

Словарь-тезаурус современной русской идеоматики (2007). Под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. М.: Мир энциклопедий Аванта+, Linqua.

Философский энциклопедический словарь (1983) М.: Советская энциклопедия.

Франк С.Л. (2005) Этика нигилизма // Антология самиздата. Т. 1, кн. 1. М.: Международный институт гуманитарно-политических исследований. С. 284–286.

Харрис З. (1960) Метод в структуральной лингвистике // Звелинцев В.А. История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях. Т. 2. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство. С. 153–171.

Черных П.Я. (1999) Историко-этимологический словарь русского языка. Т. II. М.: Русский язык.

Щерба Л.В. (1974) Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука. С. 265–303.

Янов А.Л. (2016) Ценности и интересы (<https://snob.ru/profile/11778/blog/109702>).

Baranov A.N. (1998) Justice, Equality and Freedom: The Structure of Value Concepts // P.A. Chilton, M. V. Ilyin, J. L. Mey (eds.) Political Discourse in Transition in Europe 1989–1991. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins BV. Pp. 131–145.

Justice and Equality – Linguistic and Extralinguistic Aspects

A. BARANOV*

*Baranov Anatoly – Doctor of Philology, Professor, head of the Department of experimental lexicography, V. V. Vinogradov Russian language Institute of RAS. Address: 119019, Moscow, Volkhonka, 18/2. E-mail: baranov_anatoly@hotmail.com.

Abstract

In the paper value categories “justice”, “equality” and corresponding Russian words are under consideration. Semantic explications of Russian lexemes *spravedlivost'* (justice) and *ravenstvo* (equality) are proposed in comparing with values “justice” and “equality”. It is shown that words with value semantics have their own lexical meaning, which realized in compatibility in political discourse with other words, denoting value categories. Modifications of semantics of such words in political speech should be described in a terminological dictionary. Extralinguistic particularities of compatibility can be represented in corresponding field of lexical entry of a linguistic dictionary.

Compatibility of words with value semantics is therefore divided in semantic compatibility, explained on the bases of lexical meaning, and in discursive compatibility, connected with discourse practices of extralinguistic nature.

Keywords: justice, equality, value category, political discourse, compatibility

REFERENCES

Aristotel' (1983) *Bolshaya etika* [Magna Moralia]. Aristotel'. Soch. V 4-h t. T. 4 [Aristotle. Works in 4 volumes. Vol. 4]. Moscow: Mysl', pp. 295–374.

Baranov A.N. (1998) *Justice, Equality and Freedom: The Structure of Value Concepts*. P.A. Chilton, M. V. Ilyin, J. L. Mey (eds.) Political Discourse in Transition in Europe 1989–1991. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins BV, pp. 131–145.

Baranov A.N. (1990) Politicheskaya argumentaciya i cennosnye struktury obsh'estvennogo soznaniya [Political argumentation and value structures of social consciousness] *Jazyk i socialnoje poznanije* [Language and social comprehension]. Moscow: Tsentralnyy sovet metodologicheskikh seminarov pri Prezidiume AN SSSR, pp. 166–174.

Baranov A.N. (2012) Sochetayemost' slov i slabaya semantika [Compatibility of words and "weak semantics"]. *Voprosy kul'tury rechi*. [Topics in study of speech culture]. Issue XI. Moscow: Yazyki slavyan-skoj kultury, pp. 167–177.

Baranov A.N. (2003) *Vvedeniye v prikladnuju lingvistiku* [Introduction into applied linguistics]. Moscow: Editorial URSS.

Baranov A.N., Kazakevich E.G. (1991) *Parlamentskiye debaty: tradicii i novacii (russkij politicheskij jazyk)* [Parliamentary debates: traditions and innovations (Russian political language)]. Moscow: Znanie.

Baranov A.N., Parshin P.B. (1986) Yazykovye mehanizmy variativnoy interpretacii dejstvitel'nosti kak sredstvo vozdeystviya na soznanie [Linguistic mechanisms of variable interpretation of reality as a means of influence on consciousness] *Rol' jazyka v sredstvakh massovoj informacii* [Role of language in Massmedia]. Moscow: INION, pp. 100–143.

Chernyh P. Ja. (1999) *Istoriko-etimologicheskij slovar' russkogo jazyka. T. II* [A historical-etymological dictionary of the Russian language. Vol. II]. Moscow: Russkij yazyk.

Clark H.H., Carlson Th.B. (1986) Slushayush'ye i rechevoy akt [Hearers and speech act]. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Teoriya rechevykh aktov* [New in abroad linguistics. Theory of speech acts]. Vyp. XVII [Vol. XVII], Moscow: Progress, pp. 270–321.

Desyat' let sociologicheskikh nablyudeniy (2003) [Ten years of sociological monitoring]. Moscow: FOM.

Filosofskiy enciklopedicheskij slovar' (1983) [Philosophical Encyclopedia]. Moscow: Sovetskaya enciklopedia.

Frank S.L. (2005) Etika nigilizma [Ethics of nihilism]. *Antologiya samizdata, T. 1, kn. 1* [Anthology of samizdat, Vol. 1, book 1]. Moscow: MIGPI, pp. 284–286.

Gulevich O.A. (2011) *Socialnaya psikhologiya spravedlivosti* [Social psychology of justice]. Moscow: Institut psikhologii RAN.

Harris Z. (1960) *Metod v strukturnoj lingvistike* [Method in Structural Linguistics]. Zvelintsev V.A. Istoria yazykoznaniya XIX i XX vv. V ocherkakh i izvlecheniyakh. Moscow: GUPI, pp. 153–171.

Inozemcev V.L. (2016) *Lishniye cennosti* [Unnecessary values] (snob.ru/selected/entry/110315).

Janov A.L. (2016) *Cennosti i interesy* [Values and interests] (snob.ru/profile/11778/blog/109702).

Kanarash G. Ju. (2011) *Socialnaya spravedlivost': filosofskije koncepcii i rossiyskaya situaciya* [Social justice: philosophical theories and russian situation] Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta.

Kashnikov B.N. (2004) *Liberalnyje teorii spravedlivosti i politicheskaja praktika Rossii* [Liberal theories of justice and political practice in Russia]. Great Novgorod: NovGU in Yaroslava Mudrogo.

Kognitivnye issledovaniya (2012) [Cognitive studies]. Vyp. 5: Moscow: Institut psikhologii RAN.

Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Kognitivnye aspekty yazyka (1988) [New in abroad linguistics. Cognitive aspects of language]. Vyp. XXII, Moscow: Progress.

Rawls J. (1995) *Teoriya spravedlivosti* [A Theory of Justice]. Novosibirsk: Isdatel'stvo Novosibirskogo universiteta.

Sh'erba, L.V. (1974) Opyt obsh'ey teorii leksikografii [An essay in general theory of lexicography]. Sh'erba L.V. Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost' [Language system and speech activity]. Lenin-grad: Nauka, pp. 265–303.

Slovar'-tezaurus sovremennoy russkoy idiomatiki (2007) [Thesaurus of modern Russian idioms. Eds by A. N. Baranov and D. O. Dobrovol'sky]. Moscow: Mir entsiklopediy Avanta+, Lingua.

Wierzbicka A. (1999) Slovarny sostav kak kl'uch k etnofilosofii, istorii i politike [Vocabulary as a key to ethnophilosophy, history and politics: "Freedom" in Latin, English, Russian and Polish]. Wierzbicka A. *Semanticheskiye universalii i opisanie yazykov* [Semantic universals and description of languages]. Moscow: Yazyki russkoy kultury, pp. 434–499.

Wittgenstein L. (1958) *Logiko-filosofskiy traktat* [Tractatus Logico-Philosophicus]. Moscow: Nauka.

Zhivov V. (2005) Yazyk i revoliuciya. Razmyshleniya nad staroy knigoy A. M. Selish'eva [Language and revolution. Reflections on the old book by A. M. Selish'ev]. *Otechestvennyje zapiski*, no. 2, pp. 175–200.